

* * *

Я пишу лишь для тех, кто читает,
Как ни странно, читает ещё,
Кто кротами томов коротаёт
Хронос дней, и не будет прощён
Жизнью этой за траты без цели
(время – деньги) бесценного дня.
Только кто-то из этих оценит,
А, Бог даст, и полюбит меня.

* * *

О, Господи! За что такое всё?
Кому? И мне? И мне равно со всеми!
Ужель и вправду всяк тобой спасён
Уже сейчас, за день до воскресенья?

Вокруг пихтач. Привычны комары.
Есть чай и даже, Господи, сгущёнка.
Я проиграл. Но результат игры –
Да вот он, здесь.
И что мне счёт! Что счёты!

Так слишком не по-свойски хорошо,
Что страшно жить вперёд
навстречь другому.
Но буду, ибо и сюда дошёл,
Не зная ничего за дорогое.

Да, дорогая. Вот так реприманд:*
Из грязи в князи. Размотав портянки,
Князь пальцами шевелит, и роман
Становится романом без натяжки,

С романским «R» хрустящего костра
Под флейту ветра и сурдинку гнуса.
И даже, если завтра умирать, –
В сегодня всё, чтоб спеть и улыбнуться.

* В данном случае – неожиданность.

* * *

Ночь. Тишина. Шум сердечного стука.
Ухо в подушке. Не спишь – и не спи.
Всё-таки жизнь – хорошая штука.
Ночь. Час за часом. Терпи.
Вдруг да приснится что-нибудь: море,
Брамса квартет или слива в вине,
Первооткрытие истины в горе,
Или же просто уснёшь, наконец.

* * *

Неравенство – врождённая узда.
Раб и бездарность, стены лбом раскрасив,
Со мной садятся рядом: «Да, ты прав был.
Так, значит, бесполезно?» – «Значит, да».

На лбу моём зажившие рубцы
Теперь уже внушают им доверье:
«Так что ж нам делать?»
– «Кроме стен есть двери» –
«А что за ними?» – «Строчные столбцы».

Болящий дух... Короче, анальгин
Всегда есть под рукой, когда есть ручка.
И, сколь ни тяжёк твой тяжёлый случай,
Бурлак по жизни с пестней не погиб.

И фальшь – ничто. Надрыв и крик – ничто.
А что же – что? А в этом-то и фишка,
Что сам не знаю, только больно слишком
Врачует дух исписанный листок.

* * *

Ты в свете – вся, и свет идёт с небес
Сквозь окна листьев, а не стёкла окон.
Весь этот лес принадлежит тебе,
И на твоём значке – змея и сокол.
И осень отступилась и стоит.
Лишь лёгкий лист,
вострепетав, слетает
К твоим стопам на золоте земли
Для новых рифм:
«весталка» и «гетайра».

За это я люблю вот эту жизнь:
За незаслуженность как дара,
так и кары.
Непогрешима? Бог с ней, погрешим,
Поставив рай и яблоко на карту.

* * *

Правда у тех, кто сильнее и умней –
Истина прошлых и нынешних дней.
Сирым, юродивым выдано здесь
Право, прогнувшись, смирить свою спесь.

Нищезнание не близко, и та нищета
Тщета, бо сказано: всё суета
В мире подлунном, а в подлинном том
«Камо грядеши?» – услышим потом.

* * *

Целый вечер продолжается вечность.
Целый вечер зажигаются звёзды.
Мы с тобой проживём целый вечер,
Потому что мы с тобой – проживём мы.

Вот такие положил я расклады
И скрепил простую рифмой – в законы.
Я, единожды знакомый с талантом,
А с душой я не однажды знаком был.

Трое нас, аккорда три да три слова:
«Ты да я», и целый вечер – нам песней.
– Мы когда-нибудь увидимся снова?
– А зачем? Когда мы в вечности вместе.

* * *

Всё счастья ждём, но... ожидаем вновь...
Жил ожиданием? – Ну, так и живи.
Ведь даже эта... как её?... Любовь –
Есть только ожидание любви.

Мы привыкаем к жизни без всего,
Но нашим детям с верой говорим:
«Ты вырастешь... –
Ты слушаешь? – Ну вот... –
Полюбишь. Будешь счастлив и любим».

* * *

Нету желанья работать, стенать, возражать,
Просто сидеть, и играть, и отыгрывать гору.
Из горловины вино передвинулось в горло:
Горько, как горько, –
и всё ж отчего-то не жаль.

Нету желанья, радости, смысла, слуги.
Есть сапоги и портянки, кайло и лопата.
Жизнь не театр, но прочная школьная парта.
Впрочем, коль очень, то это... с урока сбеги.

Нету отчаянья, счастья, часов и зеркал.
Есть отраженье, и жизнь, и желание выпить.
Скоро октябрь золотою листвою засыплет
Ямы шурфов, где ты золота не отыскал.

* * *

Неудачник во всём...
как там... кажется, looser,
Равнодушно бредущий по жизни земли.
Только звёзды осенние в траурных лужах
За своё – без руля и ветрил
Подрлил к точке В, до омеги – немного,
А до Бога... Но тем интереснее в даль
Между искр осторожно ступать по дорогам,
Из острога ведущим в моё никуда.

* * *

Простит простоволосая трава
Смертельную косу, и не осудит
Секущих струй осенняя листва.
Так было. Так должно быть. Будет.
И ты, – пройдёт неспелости пора, –
Научишься неспешности природы.
Как высока – в миноре – пастораль...
Как дороги в предсмертной жизни годы...

* * *

Писать о том, что знаешь: о дождях,
Напитках алкогольных и горячих,
О том, как покидают, не дожидаясь, –
Что знаешь то, что ничего не значит.
О том, что ты из жизни прочитал,
Усвоил и теперь своим считаешь,
О том, что жил бы этак или так...
Как было нужно – до смерти не знаешь.
О том, что врёшь, «не знаю» – говоря,
О зависти, о подлости, о слове,
О том, что день грядущий мне готовит
Языческую бедность словаря.
О безднах, разделяющих людей,
О небесах, для большинства молчащих,
О том, что можно быть счастливым здесь,
О даре жизнь раздаривать несчастьям
Ради письма вилами по воде.

* * *

Из чего? Из ничего,
Из какого-то молчания,
Что осенними ночами
Выявляет естество.

А куда? А никуда.
По небу земля летает,
И, ни в чём не видя тайны,
Надо всем горит звезда.

А зачем? А просто так
Заповедано природой:
Переливчатое рондо,
Полнота и пустота.

Что теперь? Терпеть и впредь
Веселиться, злиться, длиться,
Ждать, пока не растворится
Дверь стучащемуся в твердь.

* * *

Осенний ветер, ищущий тепла, –
Больной бедняк, запутавшийся в листьях.
А кажется, что он от свиста злится
И... раздевает ветку догола.

* * *

Где Лациум? Где мы? И где Эллада?
Где я? Я на Алтае, он горист.
Здесь не растут Парис и кипарис.
Елена не прекрасна. Ну, и ладно.

Сегодня понедельник. Трудный день.
Похмельному трудиться неохота.
Всё началось, мне кажется, в субботу,
В шабат-шабаш, и до сих пор мне лень.

Эллада где? Где Лациум? Где я?
В палатке я. Похмелье. Понедельник.
Не в радость мне вчерашнее раденье,
Демьянов спирт. Я сам себе Демьян.

Алтай горист. Река здесь – Хуанхэ *
От драги, что стоит в её верховьях.
Где я? Где, исключительно на «хэ»,
Все рифмы в понедельник мимо схолий.**

И то, что небогат запас словес...
И то, что месяц осени унылый...
Опасно жить. Сентябрь. Ветер. Вес
Похмельной головы. Душа изнылась.

Где Лациум? Где я? Эллада где? –
В Караганде – рабочим эвфемизмом.
Но жизнь, переломив меня сквозь призму
Свою, перо даёт, не барствуя, радеть,

Как те до нашей эры, но не так, –
Не то что хуже, скажем так, – беднее.
Не Лациум, Эллада – но Алтай,
И иже с ним душа, и иже с нею

Всё остальное: осень, дождь, вода
Сжелта-реки, заглиненная драгой.
Охота жить, но никого нет рядом.
И эта ода водке, господа.

И эта ода до смерти грустна.
Опять же – осень. А точнее, сентябрь.
И водки нет. И вовсе не до сна.
И жизнь нейдёт, но на кого-то тянет.

И «на кого ты тянешь, стрекоза?»***
Здесь стрекоза у Бродского для рифмы.
А у меня – для Бродского и ритма,
Для лирики, для против правил. За

Постмодернистский перебор цитат.
«Чужое слово» даже на Алтае –
С похмелья родное, ибо так
Душа чужим живёт и прирастает.

В поэзии, где слово «плагиат»
Имеет смысл отличный и отличный,
Я сам себе палач и сам ПиАр.
Эллада где? – Где я – я там не лишний.

Я здесь. Скажи ещё раз так: я здесь.
И там, где я, там всё моё со мною.
Эллада где? Где Лациум? Везде,
Где я. И дела нет до остального.

* Хуанхэ, то есть «жёлтой» рекой, в стихотворении названа река Каурчак, заиленная драгой.

** Схолии – комментарии, часто довольно обширные, на полях античных рукописей. Фраза «мимо схолий» равнозначна общеупотребительной «без комментариев».

*** И ритм стихотворения, и приведённая строка, и рифма действительно позаимствованы автором из «Разговора в разговоре» Иосифа Бродского – в первоисточнике рифмуются «глаза», «за», «тормоза», «стрекоза» и «буза».

* * *

Сыро, октябрь всё сыплет и сыплет.
Спишь. Видишь сны: далеко-далеко
Лациум нежно-лиловых глициний –
Пусть на игольное только ушко.

Тёмно-лилово италиков море,
Тонко, до глубины прогрето, и гладь
Томной волною в витийстве не спорит
С ритмом, что рядом витийствует Флакк*.

По пробужденьи, в простылой палатке
Дождик стучит по полотнищу ритм.
Ищешь портянки... А Лаций, Эллада,
Рим или мир – ты отыщешь внутри.

* Конечно же, речь идёт об одном из известнейших «италиков» – античном поэте Горации.

* * *

Много ль нужно помнить? – Нет, не очень:
Что уходят, чтоб домой вернуться.
Красота и тут, и там – несрочна.
Перед смертью лучше улыбнуться.

Помнить, что для жизни, кроме песен,
Размышленья благородным впору.
Человек собою интересен.
Только точка может быть опорой.

* * *

В сентябрь вновь расцветают «огоньки».
Скромнее майских,
майских неприметней.
Посёлок Майский. Лагерь у реки.
И день по-женски тёпл, по-бабы летний.

И золото, что роем у земли,
Набросано поверх её в достатке.
И огоньки ещё раз расцвели.
Моя весна придёт ко мне под старость
Спокойно-мудрой, ясной, золотой.
Что всё не зря – в сентябрь станет ясно.
Я стану огоньком, а может, ямбом,
В альбоме чьём-то, лёгшем на листок.

* * *

То листьями сохлыми пахнет
Так тонко, то дымом пахнёт
Так горько, как будто бы – память.
И в воздухе синем синё.

Неслышно свистит в паутинках
Отвесно спадающий свет.
Иголка впила в пластинку
И радиус сводит на нет.

И в боли рождается чистый,
Рождается звук и бежит
Подальше, чем можно исчислить,
Подольше, чем можно прожить.

* * *

Ох, как красиво! Всё в междометьях.
Больше не скажешь ахов да охов.
Северный ветер, стих на рассвете,
Синий туман да возгласы вздохов.

Я на работу при полном параде:
Пара сапог да спецовка с банданой.
Дело поэтов идти на-гора, и
В гору шагаю с рюкзачным приданым.

Синий туман разбавляется жёлтым.
Осень стоит, словно девка на выдан.
Ох, хорошо мне! Ах, хорошо мне!
В гору, а значит, жизни на вырост.

То, что прошло, стало тесным не в пору.
Осень-невеста нарядна, как сказка.

Тянет магнитом синее в гору –
Тема бродяг, верхолазов и скальдов.

Сердце, глупея, нальётся рябиной.
Даже кедровки поют соловьями.
Нас не любили, или любили –
Не всё равно ль, если любят нас явно.

Ясно, как свет. Вот и впитывай, память.
Пища НЗ на чернотные ночи.
Солнце поднялось. Росы упали.
Вот и вершина, и жизнь. Многоточие.

РЕЦЕПТ

В бочку дёгтя духовной болезни
капни ложечку мёда, слезу,
океанов-морей бирюзу,
чтобы спеть и воскреснуть
в чьём-то сердце, а может быть, в двух,
что споют о любви и рассветах,
и, пока эстафетой живут,
воскресают поэты.

* * *

Для вдохновения не нужно выбирать
Особых мест, времён иль их единства.
Для действия:

трезвость, чай, перо, тетрадь,
Конечно, и талант бы пригодился.
Но, коли нет, то просто от души,
Как свыше положили, как услышал –
Без отсебятины дословно запиши.
Кто – как, а мы с тобою так и пишем.

Так и поём сегодня, полюбя
В себе себя, вокруг – всё остальное.
И рифмами скрепить слова, скрипя,
Не успевает пёрышко стальное.

(Не я придумал вечное перо.
А жаль – не я – придумано прилично).
Октябрь, золотое серебро
Росы в косых, и никого из лишних
Вокруг.

Кругом – тайга, река, гора
И тишина, насыщенная светом,
Собой, рекой и песенкой пера –
Что жизнь есть жизнь в любви,
что смерти нету.

